

Услышав, что император прибыл, Сяо Фу и Сяо Жун одновременно испуганно замерли, бросили работу и дружно уставились на Императрицу.

Сяо Юэли тоже замерла с изумлением на лице.

Почему она снова пришла?

Разве она не заглядывала сюда всего пару дней назад?

Разве только что не прислала людей с целой корзиной вишни?

— Ваше Величество, скорее встречайте государыню, — в спешке прошептала Сяо Жун, следуя за Сяо Фу. Обе они выбежали наружу и опустились на колени.

Пока Сяо Юэли всё еще сомневалась, стоит ли ей выходить навстречу, Сяо Цзинчжи уже вихрем влетела внутрь.

Только теперь Сяо Юэли заметила, что подол одеяния Сяо Цзинчжи стал короче на добрый вершок. Передвигаться в таком виде было куда удобнее, но из-за этого наряд лишился львиной доли былой роскоши.

Она действительно изменилась.

В воспоминаниях о прошлой жизни Сяо Цзинчжи безумно любила наряжаться, требовала, чтобы её одежда выглядела максимально роскошно, и ни за что не позволила бы себе пойти на поводу у удобства ценой малейшей изъяды в своём внешнем виде.

Едва переступив порог, Сяо Цзинчжи увидела целый стол яств. Хотя блюд было не так много, как во время её собственных трапез, их набралось немало — стол выглядел поистине богатым.

Сяо Жун последовала за ней и вежливо произнесла:

— Ваше Величество, вы уже ужинали? Может быть, отведаете трапезу здесь?

Стоило ей это произнести, как все трое в комнате одновременно замерли.

Сяо Жун испуганно опомнилась, будто очнувшись ото сна, бросила краткое:

— Слушаюсь, — и поспешно выбежала прочь.

Сяо Юэли смотрела ей вслед, испытывая всё большее недоумение и тревогу.

Эта Сяо Цзинчжи... вела себя крайне странно.

Сяо Юэли заметила, что та уплетает за обе щеки с огромным удовольствием и даже ест рыбу, хотя Сяо Цзинчжи, насколько она помнила, люто её ненавидела.

Голос Сяо Цзинчжи раздался прямо у неё за спиной:

— Не спеши, не нервничай.

— Ваше Величество, вы любите рыбу? — небрежно бросила Сяо Юэли, медленно отправляя в рот самый кончик побега бамбука, подцепленный из собственной пиалы.

Пока она орудовала палочками, в тарелке Императрицы уже выросла целая гора еды, напоминавшая холмик, готовый обрушиться в любой момент.

Следом Сяо Цзинчжи беззастенчиво наложила себе в чашку порядочно каждого блюда.

За семь лет совместной жизни она изучила Сяо Цзинчжи вдоль и поперёк.

Как только подспели новые палочки, принесённые Сяо Жун, Сяо Цзинчжи первым делом положила Императрице понемногу каждого угощения.

Сяо Юэли поняла: оказывается, те палочки предназначались исключительно для раскладывания еды по тарелкам.

Едва слова сорвались с губ, как она внезапно вспомнила, что хозяйка здесь — Сяо Юэли, и усестся без разрешения хозяйки было бы верхом бестактности даже по меркам её родного мира.

Поразмыслив, она теми самыми палочками специально подцепила ярко-красный кусочек острого куриного мяса и положила его в пиалу Сяо Цзинчжи.

Императрица удостоила простую служанку при Императрице словом «беспокойство».

В памяти мгновенно всплыли её странные зловключения, и сердце пропустило удар!

Она всё сильнее убеждалась, что нынешняя Сяо Цзинчжи с ума сошла.

С некоторой неловкостью поднявшись с места, она виновато взглянула на Императрицу и с заискивающей улыбкой произнесла:

— На самом деле я не слишком голодна. Если вам неудобно, забудьте, я пойду поем у себя, выйдет то же самое.

Свинина, курица, рыба, оленина — животного белка, кальция, железа, цинка и селена, пожалуй, хватит. Теперь стоило добавить растительного белка, и она подцепила соевый шарик. Разумеется, нельзя было забывать и о растительной клетчатке: вновь взмахнув палочками, она шустро набрала зелени.

Сяо Цзинчжи окинула взглядом уставленный яствами стол и спросила:

— Что любит Императрица?

Она выжидала её реакции.

Сяо Цзинчжи была счастлива: здесь, во время еды, разрешалось разговаривать.

Сама же Сяо Цзинчжи совершенно не замечала, что за ней наблюдают, полностью поглощенная видом чистой, натуральной и безопасной снеди.

Неужели она тоже переродилась?

Прежняя Сяо Цзинчжи отличалась бунтарским нравом и своеобразием, а будучи особой королевской крови, вечно держалась высокомерно и помыкала окружающими.

Или же, как шептались во дворце, после того случая с утоплением она действительно переменилась в характере?

Или перед ней вовсе не Сяо Цзинчжи, а какая-то самозванка?

Хотя в душе её бушевали нешуточные страсти, на лице застыло невозмутимое выражение. Заметив, что Сяо Жун, словно глиняный истукан, застыла на месте без движения, она невольно нахмурилась и приказала:

— Что ты стоишь? Живо принеси для Вашего Величества еще одну пару палочек.

Чем ласковее звучал её голос, тем шире и быстрее становились шаги перепуганной до смерти Сяо Жун.

Сяо Юэли ответила:

— Никаких неудобств. Если Ваше Величество не брезгует, можете трапезничать здесь.

Сама она в прошлой жизни ни за что бы не заговорила с прислугой в подобном ключе.

Прежняя Сяо Цзинчжи...

Когда Сяо Жун стала накладывать ей рис и раскладывать еду, Сяо Цзинчжи остановила её:

— Я сама. Извольте принести мне отдельную пару палочек, не утруждайтесь.

В её собственных покоях трапезничала она одна, а вокруг толпа зевак. В комнате царила такая злоедающая тишина, нарушаемая лишь звуками её же пережёвывания, что еда буквально застревала в горле от несварения.

— Люблю. Рыба — это полезно, от неё умнеют.

Та церемонилась, а Сяо Цзинчжи — нет.

Сяо Юэли делала вид, что увлечена чаепитием, но исподтишка следила за каждым движением этой Сяо Цзинчжи, отвечая с прохладцей:

— Наложница любит всё.

Она и не подозревала, что у Сяо Цзинчжи когда-либо были столь странные причуды.

Не дожидаясь возражений со стороны Сяо Юэли, та плюхнулась на стул:

— Отлично, я как раз проголодалась, так что составлю компании Императрице.

Она смущенно улыбнулась:

— Императрица, приятного аппетита.

Расправившись с рыбой в своей пиале, Сяо Цзинчжи вернулась к прежним палочкам, зачерпнула еще кусочек рыбы, а затем снова принялась есть собственными.

Наконец, окончательно вооружившись своими палочками и зачерпнув гору еды, наваленной

поверх риса, она принялась уплетать зерна за обе щеки.

Может цитировать Продавца угля, не так сильно заиклена на красоте, обходительна с прислугой — ну совсем не похожа на Сяо Цзинчжи из прошлой жизни.

Услышав это, Сяо Цзинчжи расцвела в улыбке:

— Не брезгую, ни капли! — и тут же уселась обратно.

Сяо Цзинчжи бросила на неё косой взгляд и произнесла:

— Спасибо. — Не раздумывая, она отправила кусок курицы в рот, даже не поморщившись, прищурилась и с улыбкой протянула: — Вкусно! Было бы еще острее — вообще за милую душу!

Она ест даже острое?! И при этом жалуется, что маловато перца?!

Разве она не боялась острого больше всего на свете?!

Весь дворец знал, что та не выносит пряностей и не может их есть, а потому в императорских яствах отроду не было ни крупички перца.

Говорили, будто в бытность свою принцессой она однажды отведала блюдо с перцем и велела всыпать повару тридцать ударов палками, после чего никому и в голову не приходило подавать ей что-либо острое.

Не то что красный перец — даже черный страшно было добавлять.

— Императрица, ешьте же, а то остынет, — не умолкая ни на секунду, приговаривала Сяо Цзинчжи, отправляя давние правила о молчании за едой далеко за пределы девяти небес.

Сяо Юэли кивнула и многозначительно отозвалась:

— Наложница поняла.

Сяо Фу и Сяо Жун, глядя на то, как ладят меж собой Император с Императрицей, угощающие друг друга не хуже образцовых супругов, тайком радовались.

Император так добра к Императрице, да и та наконец соизволила взглянуть на государыню.

Наконец-то они стали похожи на настоящую пару. Нет, на супругов.

После окончания трапезы Император и не думала уходить. Сяо Жун подала ей чай.

Император произнесла:

— У меня есть дело, в котором хотелось бы посоветоваться с Императрицей. Ступайте пока.

Сяо Фу и Сяо Жун в один голос отозвались:

— Слушаемся.

Обе прикусили губы в улыбке и удалились.

Опустилась ночь, в комнате зажгли свечи. Пламя трепетало и металось, то ярко вспыхивая, то погружая всё в полумрак.

Сяо Юэли следила за каждым шагом приближающейся к ней Сяо Цзинчжи. Подняв на неё взгляд, она почувствовала, как сердце уходит в пятки.

Чего ради Сяо Цзинчжи явилась?

Сяо Цзинчжи подошла к Императрице и, в точности копируя поклоны придворных служанок, отвесила ей поклон.

Такой жест окончательно выбил Сяо Юэли из колеи.

— Императрица, в тот день я едва не задушила тебя собственными руками. Я приношу тебе свои извинения. — Не дожидаясь ответа, она заговорила сама: — Я знаю, что столь жестокий поступок равносителен покушению на убийство, и прощения ему нет! Я не смею молить тебя о снисхождении. Я лишь хочу сказать: клянусь, что впредь не причиню Императрице ни малейшего вреда. Прошу тебя, поверь мне!

Её слова обрушились на душу Сяо Юэли подобно грому среди ясного неба.

Сяо Цзинчжи вздумала извиняться перед ней?

Сяо Цзинчжи признала, что её поступку нет прощения?

Сяо Цзинчжи поклялась, что не причинит ей вреда?

Императрица всматривалась в это чарующее, способное погубить целые царства лицо. Сквозь

манящий блеск её непроизвольно источающих соблазн персиковых глаз она разглядела на самом дне нечто доселе невиданное.

— Искренность.

Сердце Сяо Юэли слегка дрогнуло, и она бесстрастно обронила:

— Наложница верит, что сейчас Ваше Величество говорит искренне.

В душе её зрела холодная усмешка: а вот сумеешь ли ты сдержать слово — это уже совсем другая история.

— Правда? — Сяо Цзинчжи несказанно обрадовалась и поспешила заверить вновь: — Раз сказала — значит, сделаю.

На её нежном лице сияла чистая, наивная, почти детская улыбка.

Это было уже второе незнакомое выражение, увиденное Сяо Юэли на лице Сяо Цзинчжи за сегодняшний день.

— Зачем Ваше Величество пожаловали к наложнице?

Сяо Юэли отвела взгляд.

Хоть этот человек больше не вызывал прежней лютой ненависти, смотреть на это лицо ей не хотелось больше ни секунды.

— Я и впрямь пришла по делу, чтобы испросить совета у Императрицы.

Словно услышав нечто невероятное,

Сяо Юэли на миг опешила.

Она просит у меня совета?

Разве Сяо Цзинчжи способна испрашивать у неё совета?

Да то, что она не поносит её последними словами, уже верх милосердия!

— О чём же речь? — сохраняя внешнее спокойствие, холодно произнесла Сяо Юэли.

Сяо Цзинчжи извлекла из-за пазухи исписанный Мэн Вань листок и обеими руками протянула Императрице:

— Прошу Императрицу взглянуть, какова эта поэма?

Поэму?

Сяо Юэли уставилась на бумагу в её руках, на секунду замешкалась, но всё же протянула руку, развернула свиток и вгляделась в текст. То была пятисловная регулярная песня.

Воспевала она белую магнолию. Стих оказался чистым и глубоким, с выверенным строем строк; судя же по всему написанному, автор через образ магнолии ненавязчиво выражал стремление отблагодарить за высочайшую молодость.

— Ну как, Императрица? Как написаны стихи? Хороши ли? Если брать за высший балл сотню, сколько бы ты поставила?

Сяо Юэли замерла. Впервые в жизни кто-то просил её оценить поэзию и выставить баллы, отчего её уверенность в том, что эта Сяо Цзинчжи — человек неординарный, лишь укрепилась.

— Эти стихи ведь писали не вы, Ваше Величество?

Будучи Императором, та привыкла лишь принимать изъявления верности от других.

Сяо Цзинчжи смутилась:

— Ха-ха, нет, конечно нет, я бы такое не сочинила.

Сяо Юэли изогнула бровь и бросила на неё косой взгляд.

Верно. Эта смазливая кукла, пустомеля и неумейка действительно не смогла бы родить столь глубокие и широко дыхание строки.

Она положила листок на стол и обронила:

— Написано превосходно. Мало того, что слог блещет изяществом, так здесь еще и выражена преданность Вашему Величеству. Если ставить оценку — выше девяноста пяти баллов.

Девяносто пять? Недурно.

В средних классах у неё по всем предметам, кроме родного языка и английского, стояли сплошные максимумы.

Девяносто пять баллов — пусть и не предел мечтаний, но результат более чем достойный.

Сяо Цзинчжи просияла, её глаза сузились от радости:

— Благодарю Императрицу, благодарю Императрицу!

Она подхватила бумагу со стола, аккуратно сложила её и спрятала за пазуху:

— Прошу прощения за беспокойство, я пойду. Отдыхайте, Императрица.

С этими словами она вихрем вылетела из покоев.

Сяо Юэли расслышала доносившийся из прихожей голос Чэнь Сян: «Ваше Величество», — а затем громкий окрик у дверей: «Выходим во дворцы!»

Ночью Сяо Юэли лежала в постели с широко открытыми, горящими глазами.

Сяо Цзинчжи, ты не перерождалась.

С твоим-то нравом первым делом после перерождения ты бы приказала предать меня медленной смертной казни за то, что я лишила тебя жизни!

В прошлой жизни Сяо Цзинчжи тоже едва не придушила ее, и лишь в самый последний момент Сяо Фу с Сяо Жун ценой невероятных усилий оттащили её.

В этой жизни разъяренная Сяо Цзинчжи ворвалась в покои с твердым намерением прикончить её вновь.

Она отчетливо ощущала кончиками пальцев ту ненависть, гнев и ревность.

Но почему же она вдруг остановилась?

Почему неожиданно пощадила её?

Взгляд Сяо Юэли становился всё более глубоким и мрачным.

В ту ночь Сяо Цзинчжи перепутала покои и приняла это место за дворец Чэньюань.

Тогда все решили, что государь просто оговорился в приступе гнева.

Но теперь, оглядываясь назад...

Быть может, с того самого момента та Сяо Цзинчжи перестала быть прежней Сяо Цзинчжи?

Сяо Юэли молча глядела на золотое шитье феникса на пологие кровати, погрузившись в тяжёлые думы.

Сяо Цзинчжи, кто же ты на самом деле?

От автора:

Сяо Юэли: С этой Сяо Цзинчжи явно что-то не так!

Сяо Цзинчжи: Стоило один раз поужинать — и уже с потрохами продала себя!

Благодарю маленьких ангелов, которые осыпали меня своими щедрыми дарами или поливали питательной жидкостью в период с 2021-12-20 20:49:31 по 2021-12-22 20:48:07~

Благодарю маленького ангела, полившего меня питательной жидкостью: Оу-у — 10 флаконов;

Огромное спасибо всем за поддержку, я буду стараться изо всех сил!

<http://bllate.org/book/21821/2259206>